

МИХАИЛ НИКИТИЧ МУРАВЬЕВ (1757–1807)

Михаил Никитич Муравьев родился в Смоленске в дворянской семье, закончил Московский университет, служебную карьеру закончил при Александре I в должности попечителя Московского университета. В 1819–1820 гг. вышло его полное собрание сочинений. Муравьев писал оды, басни, сонеты, эпистолы, эклоги, эпиграммы и т.д. — то есть по-классицистски придерживался четкой системы жанров. Создал он и немало ярких стихотворных переводов.

Подобно А.П. Сумарокову, Муравьев также стремился развивать литературную теорию русского классицизма. Юношей он выступил на заседании Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете с «Разсуждением о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого и надутого»¹. В своем стихотворном «Опыте о стихотворстве» он писал:

Каких красот искать и убегать пороков,
Вам скажет Буало, Гораций, Сумароков.

Здесь видно, как высоко Муравьев чтит имя главы русских классицистов, ставя его в один ряд с Горацием и Буало. К вычищению языка он призывает здесь вслед за Сумароковым:

Не только правилен и нравиться удобен, —
Слог должен быть реке прозрачной подобен...

Эпопею Муравьев именуется «верхом поэзии» и предостерегает неопытных авторов от попыток рано браться за ее написание, усиленно советуя им начинать с «легчайших опытов» (элегия, эклога и т.п.).

Творчество М.Н. Муравьева было надолго забыто, да и мало оценено современниками, хотя это проникновенный лирик, чей чистый голос нередко напоминает голоса поэтов пушкинской плеяды, как здесь:

Протекай покойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

¹ См.: *Фоменко И.Ю.* М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л., 1984.

«Легкая поэзия» Муравьева подготовила не только русский сентиментальный романтизм («сентиментализм»), но и некоторые мотивы в раннем творчестве Пушкина и поэтов пушкинского круга. Словно из первой четверти XIX в. пришли такие строки цитируемого муравьевского стихотворения:

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красках
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой пролады,
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады,
Слух наносится волной.

Богине Невы

Движущийся берег (впечатление, реально создаваемое движением заполонившей его во время народного гуляния толпы) — образ, заставляющий вспомнить самые яркие метафорические находки Ломоносова вроде «брегов Невы», которые «руками плещут». Звук серенады неуловимо «переименован» в «слух» серенады. Всюду у Муравьева проявляет себя квалифицированная работа крупного поэта.

Человек весьма разносторонний, Муравьев был чрезвычайно начитан, владел несколькими языками и всю жизнь продолжал самообразование.

По-сумароковски «вычищенный» литературный слог Муравьева элегантен и сразу узнаваем. Его «Ночь», «Неверность», «К Музе», «Сила гения», «Размышление» и другие его произведения (например, близкие к жанру дневника «Дщницы для записыванья»), — из числа самых сильных явлений нашей литературы XVIII в. М. Н. Муравьев-лирик энергично преодолел, например, холодноватую созерцательность и отвлеченность, характерную для стихов о природе многих поэтов XVIII в.:

Проникнув из земли, былинка жить не чает,
И клонится, томна,
И кажется, сама природа примечает,
Что рушится она.
<...>

Приди скорей, зима, и ветров заговоры,
Владычица, низринь;
Меж ними рождена решить их буйны споры,
Ослушных в бездну кинь.

<...>

О, как я восхищен, влеку свое дыханье,
Сверши зима, сверши!
Лишь крылья ты сплеснешь, пойдет их осязанье
По жилам до души.

Желание зимы

Муравьевский слог содержит регулярные эллипсисы, которые вводятся почти незаметно, как бы одним изящным движением. Порою это пропуски конкретных подразумеваемых слов («Меж ними рождена, <чтобы> решить...» и т. п.), порою же тонкие «недоговоренности», которые создают в произведении атмосферу загадочной многозначительности («владычица, низринь», «влеку дыханье», «сверши зима» — нарочито не уточняется, *куда* низринь и влеку, *что* свершить и т. п.). Обычные слова, употребленные в неожиданной форме, неожиданном смысле или непривычном сочетании — также принадлежность слога Муравьева («проникнув из земли», «крылья сплеснешь», «пойдет осязанье» и т. п.).

К сожалению, этот прекрасный поэт успел опубликовать при жизни очень немногое (прижизненные издания его сборников неоднократно срывались) и остался мало известен читателю. Тем не менее М. Муравьев повлиял на крупных поэтов-современников, с которыми общался: именно он первым насытил стихи конкретно-автобиографическими мотивами, отзвуками своей личной судьбы и многое как бы подсказал в этом плане Державину.

ИППОЛИТ ФЕДОРОВИЧ БОГДАНОВИЧ (1743–1803)

Ипполит Федорович Богданович — высокоталантливый поэт, оказавший большое личное влияние на поэзию пушкинской эпохи и на самого Пушкина. Он был сыном мелкого украинского дворянина (так называемого шляхтича). В десять лет Ипполит Богданович был записан юнкером Юстиц-коллегии в Москве; позже учился в

ная, уловить музыку соловьиного пения. Вы, вероятно, не могли не обратить внимания на то, что и самый размер меняется соответственно отдельным моментам пения. Так выполнена была чисто художественная задача передачи в словах пения соловья. Задача эта интересовала потом Крылова, Аксакова, Тургенева и др.»¹

К словам академика Сакулина можно прибавить, что в начале XX в. данное стихотворение Петрова послужило отправным моментом и для попытки футуриста В. Каменского «натурально» воспроизвести в стихах соловьиную трель. Его «Соловей» даже ритмически напоминает о своем литературном прообразе.²

Стихи В. Петрова в XX в. ни разу не публиковались по-настоящему объемными и представительными подборками или книгами. Между тем это один из нескольких крупнейших поэтов изучаемой нами эпохи, лучшие произведения которого составляют гордость русской литературы. Место Петрова в русской литературе XVIII в. — это место яркого лирика и поэта-государственника, непосредственного предшественника Державина на стезе гражданской поэзии.

Державина окружало несколько талантливых поэтов, которые, как напоминалось выше, порою были первыми читателями и своего рода редакторами его произведений (и примеры из стихов которых выше уже рассматривались в порядке сопоставления с державинскими произведениями). Поэты, составлявшие державинское окружение — это, прежде всего, Н. А. Львов, В. В. Капнист, рано ушедший из жизни И. И. Хемницер. Первые трое дружили еще до того, как с ними сблизился Державин, причем Львов и Капнист были женаты на сестрах Дьяковых (третья сестра стала впоследствии второй женой Державина). Другом Львова был и М. Н. Муравьев (ранее близкий к кругам русских классицистов), похожий на него своей неумной тягой к знаниям, а также поэт и драматург Я. Б. Княжнин.

Кроме них Державин в определенные периоды дружески общался с поэтом А. А. Ржевским, с Д. И. Фонвизиным, с молодыми И. И. Дмитриевым и Н. М. Карамзиным, а также по-отечески опекал замечательного, неожиданно умершего, поэта С. С. Боброва, которому при его жизни фактически отводил роль своего преемника.

Николай Александрович Львов (1751–1803) был разносторонне талантливым человеком (поэтом, музыкантом, архитектором). Его

¹ Сакулин П. Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 183.

² Каменский В. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 71–75.

глубокая личная культура и энциклопедически разносторонние познания (которые были приобретены, как и в случае Державина, в основном путем самообразования), а также и природная внутренняя независимость, вероятно, удерживали его в стороне от «цеховых» дел профессиональных литераторов. Он активно общался только с друзьями, среди которых, помимо вышеназванных писателей, были крупнейшие композиторы и живописцы конца XVIII в. (например, Д. Бортнянский, Е. Фомин, О. Козловский, Д. Левицкий, В. Боровиковский). Львов был моложе Державина, но, несомненно, оказал на него — особенно в первые годы знакомства — большое влияние.

Среди стихов Львова выделяются «Русский 1791 год», «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго», «Добрыня» и др. Стихотворение «Русский 1791 год» создано под заметным влиянием творческих приемов Державина. У Львова так описывается приближение Зимы:

На подостланном фарфоре
И на лыжах костяных,
Весь в серебряном уборе
И в камнях дорогих,
Развевая бородою
И сверкая сединою,
Во сафьянных сапожках,
Между облаков коральных
Резвый вестник второпях
Едет из светлиц кристалльных,
Вынимая из сумы
Объявление от Зимы...

В ритмико-интонационном плане цитированное перекликается с началом стихотворения Державина «*На рождение в севере порфирородного отрока*» («С белыми Борей власами И с седою бородой...»), а также явно отражает попытку Львова освоить державинскую зримо-картинную образность, привлекающую внимание современников уже в строфах 6—8 «*Фелицы*» («Или в пиру я пребогатом...» и т. д.). Львовское описание шествия Зимы в следующей строфе, неожиданно шутиливой по тону («Едет барыня большая, Свистом ветры погоняя...» и т. д.), интонационно спроецировано на аналогичное описание из стихотворения Державина «*Желание Зимы*» («Борева кума Катит в санях Зима» и т. д.).

Львов составил (совместно с композитором И. Прачем) ценнейшее «*Собрание народных русских песен с их голосами*» (1790), которое

(наряду с вышедшим на двадцать лет раньше «Собранием разных песен» М. Чулкова) является основным сводом реально звучащих в XVIII в. песен.

Поэт М.Н. Муравьев справедливо писал о Н.А. Львове:

«Все искусства имели прелести свои для чувствительного сердца Львова. Музыка, стихотворство, живопись, лепное художество; но предпочтительно архитектура стала любимым предметом его учения и план церкви Св. Иосифа в Могилеве опытом дарований его.

Много способствовали к образованию вкуса его и распространению знаний путешествия, совершенные им в лучшие годы жизни, когда чувствительность его могла быть управляема свойственным ему духом наблюдения. В дрезденской галерее, в колоннаде Лувра, в затворах Эскуриала и, наконец, в Риме, отечестве искусств и древностей, почерпал он сии величественные формы, сие понятие простоты, сию неподражаемую соразмерность, которые дышат в превосходных трудах Палладиса и Мишель Анже»¹.

Наиболее известные произведения **Василия Васильевича Капниста** (1758–1823) — ранняя «Ода на рабство» (1783) и стихотворная сатирическая комедия «Ябеда» (вероятно, 1794). Обличительный пафос, характерный для его произведений наподобие данной оды, способствовал тому, что в советском литературоведении творчество Капниста внимательно изучалось, — в ракурсе, аналогичном широко распространенному подходу к изучению произведений Радищева. В то же время обличительное «антикрепостническое» творчество Капниста вряд ли сопоставимо с радищевским в части идейной оригинальности, глубины и силы, да и в плане литературного мастерства. В отличие от Радищева, он не проявил себя как сильный мыслитель-идеолог. Так, в «Оде на рабство» много умозрительной дидактики, общих мест, излишней выпренности, а личный слог поэта еще вряд ли можно признать ярко выраженным.

Талант Капниста по-настоящему раскрылся в комедии «Ябеда». Исполненный иронии текст, раскрепощенно включающий в себя устно-разговорные элементы, удался поэту блестяще. «Ябеда» обличает крючкотворство и взяточничество в судопроизводстве, с коими Капнист не понаслышке познакомился, ведя многолетнюю имущественную тяжбу, в которую была втянута еще его мать.

¹ *Муравьев М.Н.* Краткое сведение о жизни господина тайного советника Львова / Публ., коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского // *Львов Н.А.* Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 361.

Судейские нравы шаржируются в пьесе живо и остроумно. Честный служака полковник Прямиков принужден вести гражданский процесс с отъявленным мошенником Праволовом, которого благородный чиновник понытчик Добров характеризует так:

Он ябедник: вот все уж этим вам сказали.
Но чтоб его, сударь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В делах, сударь, ему сам черт не по плечу.
В Гражданской уж давно веду я протоколы,
Так видны все его тут шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверх того еще, глас Божий — глас народа,
Подлоги, грабежи, разбой разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежевана вдруг выросла земля,
Тут верхни мельницы все нижни потопили,
Там двести десятин два борова изрыли...
<...>
Там люди пойманы его на воровстве,
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно...

Даже в этом коротком фрагменте видно, как свободно обращается поэт со словопорядком, как непринужденно вписывает он в текст сложный эллиптический оборот («глас Божий — глас народа, «который повествует про его» подлоги, грабежи, разбой разна рода») или устно-разговорное словосочетание («Окраденным купцам сыскалися в родстве»). Стихотворный слог Капниста — живой пример того, что художники державинской эпохи отнюдь не воспринимали уже как образец для себя «вычищенный» язык поэтов сумароковской школы. Сам Державин в каждом новом своем произведении, избоблюющем инверсиями, эллипсисами, анаколуфами и т. п., демонстрировал им совсем иные «образцы»¹.

Подобно «Недорослю» Фонвизина, в финале порок наказан: Прямиков неожиданно побеждает Праволова, а заодно добивается благосклонности идеальной девушки, которую и тут зовут София (как

¹ Анаколуф — прием словесно-художественной образности, состоящий в преднамеренно «неправильном» сочетании слов в пределах фразы или фразового оборота — например, употреблении «не того» падежа, предлога, союза и т. п.

звали в двух комедиях Фонвизина и будут впоследствии, например, звать в «Горе от ума» А. С. Грибоедова). Ее отца, председателя Гражданской палаты Кривосудова, теперь самого по постановлению Сената должны судить «за взятки якобы, за толк кривой в делах». Впрочем, Добров не без иронии утешает его, что «с Уголовною Гражданская палата, Ей-ей, частехонько живет запанибрата; Не то при торжестве уже каком ни есть, Под милостивый вас подвинут манифест».

«Ябеда» — одна из лучших комедий конца XVIII в., которую потом не переставали ставить в театре на протяжении нескольких десятилетий. Познакомившись с ее текстом, Павел I назначил автора директором петербургских императорских театров. Этот пост поэт занимал примерно два года. После зверского убийства Павла собственными придворными и военачальниками потрясенный Капнист покинул Петербург, уехав на родину. Капнист и ранее подолгу жил на родной Украине в имении Обуховка (недалеко от Миргорода). В петербургской литературной жизни он принимал участие эпизодически.

Иван Иванович Хемницер (1745–1784) был, подобно впоследствии И. А. Крылову, преимущественно поэтом-баснописцем. Поэт успел издать две книги, когда в 1782 г. был назначен на крупную дипломатическую должность и послан служить в Турцию, где заболел и умер. В 1799 г. друзья посмертно издали трехтомное собрание его басен.

Басни Хемницера как бы «конспективны»: сюжетная ситуация обычно обрисовывается в них схематично, без яркой картинности описаний; крыловского психологизма в изображении персонажей нет, и произведение ускоренно подводится автором к итоговому моральному выводу, как правило, тоже не отличающемуся крыловскими афористической емкостью и глубиной. Впрочем, лаконизм Хемницера порою оборачивается особым рода энергичной выразительностью, как, например, в басне «Обоз»:

Шел некогда обоз,
А в том обозе был такой пристрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

Басни Хемницера («Стрекоза», «Паук и Мухи», «Дележ львиный», «Волчье рассуждение» и др.) пользовались широкой известностью.